

- имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академика», 2010. – Вып. 1. – 256 с.
6. Савицкий В.М. Концепция лингвистического континуума / В.М. Савицкий, О.Л. Кулаева. – Самара: НТЦ, 2004. – 178 с.
 7. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
 8. Теркулов В.И. Лингвальная когнитология. – Режим доступа: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1305/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%BE%D0%B2%20%D0%92.%D0%98.pdf>
 9. Теркулов В.И. Поэтические концепты (на примере концепта Разин у В. Хлебникова) с. 32 // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация: сборник научных статей. Вып. 2. – Армавир: РИО АГПА, 2013. – 240 с.
 10. Тряпкин Н.И. Горящий водолей / Н.И. Тряпкин. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 493 с.

АННОТАЦИЯ

Блюмина О.В. Особенности конкретизации этнокультурных классификационных признаков концепта в лирике Николая Тряпкина

Предпринята попытка интерпретации поэтоконцептов Николая Тряпкина в рамках описания концепта как категории, формирующей лингвальную реальность.

Ключевые слова: концепт, признак концепта, дихотомия, лингвальная реальность.

SUMMARY

Blyumina O.V. Peculiarities of concrete ethnocultural classification symbols of the concept in the lyrics of Nikolay Tryapkin

An attempt is made to interpret Nikolay Tryapkin's poetic concepts within the framework of the concept description as a category forming a lingual reality.

Key words: concept, sign of the concept, dichotomy, lingual reality.

С.П. Волосевич
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.7

ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Речевое употребление фразеологических единиц традиционно привлекает пристальное внимание лингвистов. Фразеологические единицы, не являясь «застывшими» образованиями, реализуют в речи способность к разнообразным индивидуальным вариациям. Появление в речи вариаций общеизвестных в литературном языке фразеологических единиц вполне закономерно, так как имеющаяся языковая система, удовлетворяя потребность выражения в целом, порождает трудности на пути к выражению нетривиальных содержаний, что приводит к тому, что пользующиеся общим языком не могут удовлетвориться его необработанными ресурсами [1, с. 280]. Речевое преобразование фразеологических единиц, являясь одним из способов преодоления подобных трудностей, обогащает экспрессивно-номинативные возможности языка.

Целью данной статьи является исследование уровня семантического тождества исходной фразеологической единицы и ее речевого варианта, являющегося результатом преобразования с помощью такого способа преобразования фразеологических единиц, как замена компонентов.

В лингвистической литературе предлагается классификация типов замен компонентов, в основу которой положен принцип наличия или отсутствия системных отношений между заменяемым компонентом и словом-заменителем. Обычно выделяются три группы замен. Ассоциативные замены характеризуются тем, что заменяемый компонент связан со словом-заменителем системными отношениями. При контекстуальных (ситуативных) заменах слово-заменитель не связано с заменяемым компонентом системными отношениями. Оно полностью определяется контекстом, но отношения антонимии, синонимии и т.д. могут наблюдаться между словом-заменителем и лексическими единицами контекста. При образно (структурно)-мотивированных заменах слово-заменитель не связано с компонентом фразеологизма системными отношениями и не обусловлено контекстом, но поддерживается и мотивируется лишь характером образности фразеологизма, а иногда и его структурой.

На наш взгляд, данная классификация может быть дополнена еще одной группой замен. Определенная часть преобразованных фразеологизмов характеризуется тем, что слово-заменитель и заменяемый компонент имеют системные отношения в языке, но они также обусловлены контекстом. Особенно это относится к тематическим заменам.

Заслуживает внимания анализ контекстуальных замен. Традиционно выделяются четыре типа связей между лексическими единицами контекста и словом-заменителем: в контексте употребляется слово а) входящее в состав фразеологической единицы, б) одного лексико-семантического поля со словом-заменителем, в) антонимическое слово-заменителю. Четвертый тип связей – контекст содержит предложение, семантически связанное со словом-заменителем.

Нельзя, на наш взгляд, не отметить то, что обусловленность замен компонентов может носить и иной характер. Например, к появлению преобразованного фразеологизма приводит стремление придать контексту большую выразительность и эстетическую значимость. При этом появляется возможность избежать употребления клишированного фразеологизма. При употреблении преобразованного фразеологизма вместо исходной фразеологической единицы новизна его плана выражения способна выполнить установку на привлечение внимания адресата и, таким образом, четче обозначить смысловой центр высказывания или группы высказываний. Нередко контекст содержит не одно предложение, семантически связанное со словом-заменителем, а целые группы предложений и даже группы сверхфразовых единств. Иногда, особенно в текстах малых форм, слово-заменитель имеет тесные семантические связи со всем текстом, в том числе и с заголовком. Преобразование фразеологизма в таких случаях приобретает общетекстовую значимость.

Следует уточнить, что компоненты фразеологической единицы могут замещаться не только одним словом, но и группами слов, предложениями, частями других фразеологизмов и даже целыми фразеологизмами.

Теперь посмотрим на проблему преобразования в другом ракурсе и попытаемся ответить на вопрос о том, что может замещаться.

При использовании фразеологических единиц в речи, как известно, заменяться может один компонент и более. Спорным является вопрос о возможности замены всех компонентов ФЕ. Лингвисты высказывают разные, порой взаимоисключающие точки зрения по этому вопросу. Так, например, признается

возможность замены другими словами всех компонентов ФЕ, если при этом сохраняется семантика исходного фразеологизма. Встречаются случаи такого преобразования ФЕ, когда фактически сохраняется лишь структура производящего выражения, что видно по формам связей слов или по форме предложения в целом, но заменяются все самостоятельные слова.

Другая точка зрения заключается в том, что языковое тождество ФЕ сохраняется благодаря неизблемости ее синтаксической структуры и присутствию минимум одного элемента исходной формы. Считается, что если в преобразованном обороте нет ни одного компонента существующего исходного фразеологизма, то такой оборот не может быть фразеологическим. В материале нашего исследования отсутствуют фразеологизмы, у которых заменены все компоненты. Тем не менее, мы допускаем возможность такого преобразования. Как известно, в языке имеется небольшая группа вариантов, в которых варьирующимися являются все компоненты. Опираясь на выдвинутое А.В. Куниным положение о том, что все фразеологические варианты, являющиеся достоянием языка, первоначально носили окказиональный характер и были контекстуально обусловленными заменами [2, с. 12], мы считаем возможным существование преобразованных ФЕ, у которых отсутствует лексическая константа.

Между тем, лексическая константа играет важную роль для отождествления прототипа и преобразованной ФЕ. Отсутствие лексической константы должно компенсироваться другими ярко выраженными константными элементами. Так, константными элементами должны являться полностью денотативно-сигнификативный аспект семантики, образное представление исходной ФЕ, ее синтаксическая структура. Сохранение константной доминанты при отсутствии лексической константы предполагает, что слова-заменители должны быть тесно связаны семантически (например, быть синонимами или когипонимами) с заменяемыми компонентами. При сохранении только структуры производного выражения в речи появляются не преобразованные ФЕ, а образования иного рода – фразеологические аналоги.

Образования по аналогии являются пределом варьирования ФЕ. Фразеологические аналоги не образуются путем замены компонентов, но создаются в речи путем заимствования синтаксической структуры общелитературного фразеологизма, а также некоторых второстепенных лексических компонентов. Особенностью аналогов является то, что, хотя они и соотносятся с ФЕ, которые являются моделями их создания, в них отсутствует достаточное количество элементов фразеологической константы,

которое позволяло бы утверждать, что речевое образование представляет собой речевое использование прототипа.

Аналоги представлены двумя разновидностями. Первая разновидность характеризуется наличием следующих элементов фразеологической константы: общей синтаксической структурой и константным денотативно-сигнификативным аспектом семантики. Отличаются аналоги данного типа от общезыковых тем, что в них лексическая константа выражена очень слабо, а также тем, что они строятся на другом образе. Например, по модели фразеологизма *Rome was not built in a day* создается аналог *Diamonds are not made in a day*.

Вторая разновидность аналогов отличается от первой тем, что элементом фразеологической константы является не весь денотативно-сигнификативный аспект, а только его часть. Таким образом, возможны значительные расхождения в значении аналога и фразеологизма, на основе которого создан аналог. Примером аналога второго типа является образование фразеологизма-деривата *Aunt Thomasina* по аналогии с исходной ФЕ *Uncle Tom*.

Для иллюстрации различий между аналогом второго типа и преобразованной фразеологической единицей рассмотрим следующий пример аналога *where there's muck, there's brass*, образованного, на первый взгляд, по аналогии с фразеологизмом *where there's a will there's a way*. Можно было бы согласиться с такой трактовкой этого образования и отнести его к аналогам второго типа, но в английском языке имеется фразеологическая единица *where there's muck, there's money*, имеющая значение *dirty work means profitable work* [3.]. Данное образование является, таким образом, преобразованной фразеологической единицей с ярко выраженной, доминирующей фразеологической константой. Компонент фразеологической единицы *money* заменен стилистическим синонимом *brass*, имеющим разговорную окраску.

Исходя из нашего понимания образований по аналогии, мы не можем отнести к аналогам образования, созданные с определенным стилистическим заданием путем некоторого изменения лексического состава, а также те образования, в которых несколько изменен привычный образ, но которые имеют в своем составе лексическую константу. Образования такого типа относятся нами к преобразованным ФЕ, являющимися модификациями исходной формы.

Использование принципа отождествления исходного фразеологизма и преобразованной ФЕ по фразеологической

константе делает возможным разграничение преобразованных ФЕ и некоторых речевых метафор. Рассмотрим употребление ФЕ *born with a silver spoon in one's mouth – born of wealthy parents* в следующих примерах:

1. *Like Anny Lowell, this rebel was born with a golden spoon in her mouth ...*

2. *"Yeah", I said. "You were born with a Cadillac in your mouth".*

3. *There was no need to teach any of the men to shoot. Most southerners were born with guns in their hands.* (DCIE)

Если в двух первых примерах (примеры заимствованы из работы А.В. Кунина) мы наблюдаем речевые модификации исходной ФЕ, то в третьем примере наблюдается явное преобладание вариативной части над константной. Элементами константы являются синтаксическая структура и лексическая константа *born*. Элементами вариативной части являются полностью компоненты значения ФЕ, поскольку смыслоопределяющим предстает не значение слова *born*, а значение переосмысленных компонентов. Лексическая константа выражена слабо. Образования такого типа, по нашему мнению, выходят за пределы варьирования и не относятся к речевым преобразованиям фразеологических прототипов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
2. Кунин А.В. Замена компонентов фразеологизмов как стилистический прием // Иностранные языки в школе. – М., 1977. – №2. – С. 3-12.
3. Cowie A.P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / A.P. Cowie, R. Mackin, I.R. McCaig. – Oxford ; Oxford Univ. Press, 1984. – 685 p. (DCIE).

АННОТАЦИЯ

Волосевич С.П. Вариативность фразеологических единиц в речи как предмет лингвистического исследования

В статье рассматриваются языковые и контекстуально-обусловленные типы замен компонентов фразеологизмов. Также исследуется семантико-стилистический результат преобразования. Особое внимание уделено образованиям по аналогии как пределу семантического тождества исходной фразеологической единицы и ее речевого употребления.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантическое тождество, лексическая константа, образования по аналогии.

SUMMARY

Volosevich S.P. Variability of phraseological units in speech as a subject of linguistic research

The article deals with the linguistic and contextually – conditioned types of substitutions of phraseological components. The semantic and stylistic result of the transformation is also studied. Special attention is paid to the formations by analogy as the limit of semantic identity of the original phraseological unit and its speech use.

Key words: phraseological unit, semantic identity, lexical constant, units formed by analogy.

Ю.Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
И ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ
ЦИКЛЕ М. КУЗМИНА «ЛЮБОВЬ ЭТОГО ЛЕТА»**

В современной филологии актуальными остаются междисциплинарные исследования, направленные на изучение культурно-исторической информации эпохи, а также «культурно-исторического опыта создателя текста» [9, с. 135]. Кроме того, анализ взаимодействия интертекстуальных и интермедийных форм позволяет определить черты индивидуального стиля автора, особенности его мировосприятия, оценки собственного творчества в контексте мировой литературы и искусства.

Целью статьи является рассмотрение взаимодействия интертекстуальных и интермедийных связей в поэтическом цикле М. Кузмина «Любовь этого лета».

Каждый текст, согласно теоретикам интертекстуальности (Ю. Кристевой, Р. Барт и др.), является своеобразным диалогом со старым текстом, который присутствует в новом на разных уровнях. При этом термин *текст* функционирует в широком смысле как «любое знаковое образование» [9, с. 133], что обуславливает рассмотрение в рамках теории интертекстуальности взаимодействия вербальных и невербальных текстов, т.е. интермедийности. В поэтическом цикле М. Кузмина «Любовь этого лета» находим следующие связи: «литература – литература» и «литература – музыка».

Отметим, что первый тип связи квалифицируем как собственно интертекстуальность, т.е. конструкцию «текст в тексте». Она создаётся «с помощью разного рода цитатных

включений, соотносимых с авторскими или неавторскими прецедентными текстами» [8, с. 56]. Одним из маркеров интертекстуальности, которую Н. В. Петрова определяет как интерсубъективную, является включение в текст произведения имён героев и авторов претекстов или названий данных текстов. Так, в фрагменте художественного произведения *Как милый вздор комедии звенящей / Иль Мариво капризное перо* [5] связь текста М. Кузмина с претекстами французского писателя XVIII века эксплицирована как антропонимом *Мариво* [3], так и лексемой *перо*. За ней закреплено значение «символ искусства писателя, писательского труда» [2, с. 825].

В другом примере *Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий / Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро»* [5] интертекстуальные связи объективированы названием претекста – «Свадьба Фигаро». Одной из основных черт комедии считается её оптимизм, который проявляется в образе главного героя, а также в тех препятствиях, которые он преодолевает. «Цель его желаний не богатство, а женитьба на Сюзанне, и он ведёт с Альмавивой длительную борьбу за девушку, используя в этой борьбе различные средства» [7, с. 149]. Автор комедии – Пьер Огюстен Карон де Бомарше. Его театр считается одним из «значительных явлений французской литературы второй половины XVIII века» [7, с. 148]. Атрибутивным указанием на французского драматурга считаем антропоним *Пьеро*. Кроме того, портретное описание, реализованное в анализируемом тексте (*Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий* [5]), квалифицируем как интермедийные связи с портретом Бомарше, гравированным в Лейпциге Геданом (см. биографический очерк М. В. Барро [1]).

Однако название претекста «Свадьба Фигаро» в примере *Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий / Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро»* [5] может интерпретироваться и как объективация интермедийных связей «литература – музыка». В «Дневниках» М. Кузмин постоянно апеллирует к этому произведению. Ср.: «После завтрака занимался, *играл “Figaro”*, смотрел в окна» [4, с. 166]; «Утром немного пописал и *играл “Figaro”*» [4, с. 166]; «...мы пили чай, потом при открытом окне и свечах *игралу “Figaro”*, божественного *“Figaro”*» [4, с. 175]; «Я долго ходил по комнате, снова перечитал моих милых друзей и потихоньку запел *дуэт из “Figaro”*» [4, с. 200]. В дневниковых записях имя претекста употребляется в сочетании с глаголом *играть*, т.е. «исполнять что-либо на музыкальном инструменте» [2, с. 373], и существительным *дуэт*, которое интерпретируем как «музыкальное произведение для двух инструментов или двух голосов с самостоятельными партиями у каждого» [2, с. 291].